

ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКИЙ И
ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР
И ЦК ВЛКСМ

Выходит шесть раз в год

**ЛИТЕРАТУРНАЯ
УЧЕБА 1/1979**

ОСНОВАН
А. М. ГОРЬКИМ
В 1930 ГОДУ

ЗНАТЬ СВОЕ ПРОШЛОЕ

Приближается знаменательная дата — тысячелетие русской литературы, семь веков из которого приходится на период древней русской литературы. Наш корреспондент Г. Седых попросила известного советского ученого, руководителя Сектора древнерусской литературы Академии наук СССР (Пушкинский дом), академика Д. С. Лихачева ответить на несколько вопросов.

— Дмитрий Сергеевич! Вы в своих выступлениях не раз обращали внимание на всевозрастающее увлечение молодежи вопросами истории литературы, культуры, искусства, то есть на живой интерес нашего современника к своему прошлому. Хотелось бы несколько разобраться в этом явлении. Как вы думаете, нет ли здесь элемента моды?

— Вы спрашиваете, чем объяснить такой интерес? Если мы скажем «мода», то мы ничего этим словом не объясним, ибо и само появление моды требует, в свою очередь, объяснения, «а почему мода?». Если под словом «мода» разумеется что-то поверхностное, случайное, то я думаю, что интерес к древней русской литературе — явление не случайное и не поверхностное.

Как мне кажется, есть два основания для повышенного интереса к древней русской литературе. Первое основание — что она нам очень близка. Второе основание — что она от нас чрезвычайно далека. Положение как будто бы парадоксальное? Но не совсем так. Объясню, что я имею в виду в обоих отношениях.

Древняя русская литература — наша, родная. Это наши корни, наши истоки. Как важно бывает обратиться к своим основам! Это своего рода тяга к «духовной оседлости», к обретению устойчивости, к укреплению чувства родного, коренного, которое, естественно, усиливается по мере того, как растет наше культурное самосознание. Это первое основание, благодаря которому усиливается интерес к древней русской литературе в нашем обществе.

Второе основание состоит в том, что человеческое сознание тянется к тому, что на него непохоже, к «чужому», если только, конечно, это «чужое» обладает какими-то большими духовными ценностями.

Ленивое сознание признает только то, что на него похоже, что не заставляет задумываться, что не открывает для него нового, — к привычному и трафаретному. Ленивому сознанию все, что выше его, представляется враждебным: «Не понимаю потому, что нечего понимать, — все непонятное — пустяки, недоразвитость, несознательность, простое неумение и невежество». Активное, деятельное сознание, напротив, тянется к новому, непонятному, чтобы его разгадать, не отвергнуть это непонятное, а найти в нем непривычные ценности. Это стремление к духовному самообогащению — самое важное качество человеческого сознания.

В самом деле, человек обладает удивительным свойством познавать то, что ему чуждо, что непохоже на него. Мужчина понимает женщину в ее чисто женских чувствах, юноша — старика, представитель одной культуры — представителя культуры совсем другой, непохожей. Человек в какой-то мере понимает животное, как, впрочем, и некоторые (особенно до-

машине) животные — человека. На этом свойстве основывается сочувствие, сострадание, милосердие, взаимное уважение, миролюбие — вообще социальность человека, социальность его сознания. Умение познавать чужое — это чрезвычайно важная способность человека. И эту способность развивает в нем искусство, литература... Самое неприятное заблуждение, которому следуют иногда читатели литературных произведений, состоит в том, что автору художественного произведения приписывают свойства его персонажей: иногда резко отрицательных. «Откуда бы автору знать так хорошо психологию порока? Верно, он сам такой!» Это пошлая обывательская точка зрения. Она пропагандирует «ленивое сознание»: понимают то, чему подобны; не надо усилий понять чужое — все равно не поймешь, да и понимать нечего.

Средневековая русская литература не только «своя» в том смысле, что она создавалась нашими предками, но и «чужая» в том смысле, что она очень непохожа на литературу нового времени. Но в ее «непохожести» мы можем открыть некоторые ценности, в какой-то мере обогатить себя и свои творения.

— Как соотносится ваша идея «непохожести» с проблемой актуальности древней литературы в наши дни? И второе — можно ли говорить о конкретной специфике древней русской литературы: если да, то в чем она выражается?

— Постараюсь ответить на эти вопросы, указав на некоторые специфические черты древней литературы.

Первая и, может быть, наиболее важная для нас черта древней русской литературы — ее высокий моральный тонус. Она стремилась дать моральные идеалы деятельных добродетелей. Много в этих идеалах никак не может быть механически перенесено в нашу эпоху, да и мы не нуждаемся в «переносах». Но современный читатель нуждается в обогащении опыта какими-то штрихами. Вот один примерный штрих. В древней русской литературе нет никаких следов презрения к врагам. Ни один автор ни разу не обмолвился, назвав половца «косоглазым» или как-нибудь иначе. Враг может быть жесток, дерзок, самоуверен, несправедлив, но он не презираем как представитель своего народа. Будучи побежден, он достоин сочувствия. Владимирский летописец так описывает, например, поведение побежденных русскими волжских болгар: «Болгары же, и вчце по берегу, видяще своих ведомых (уводимых в плен. — Д. Л.), овому дци, иному сыны и дщери, другому же братья и сестры и съплеменици, и стаху (и стояли. — Д. Л.) покывающе главами своими, и стонюще сердци их и смежающе очи свои». Так описывает летописец состояние побежденных сразу же после сражения. Если здесь и нет прямого сочувствия, то есть близкое сочувствию понимание... Разве не удивительная эта черта — отсутствие чувства национального превосходства, отсутствие грубого презрения к врагу?

— Дмитрий Сергеевич, на вопрос: чему может научить древняя русская литература современного молодого писателя, вы частично уже ответили — высокому моральному тонусу. Но ведь наша отечественная литература — это не свод морально-нравственных правил...

— Именно поэтому я хочу поговорить о второй черте — эстетического характера: о своеобразном историзме и монументализме древней русской литературы. Древние авторы писали главным образом о значительном, о том, что было в действительности или что они считали в действительности бывшим, и писали в монументальной манере: сжато, лаконично, очень точно по выражению. Речи действующих лиц — как лозунги, образы — как геральдические знаки, они представлены в немногих свойствах — самых важных и «бросающихся в глаза». Сравните отмеченные

псковской летописью речи предводителей перед битвой: «Потягнем! Кто стар — тот отец, кто млад — тот сын». Что в самом деле важно перед битвой? — Почувствовать сплоченность, кровное родство друг с другом. И это сказано без излишних объяснений. Древнерусский писатель лаконичен потому, что он верит в читателя, доверяет его пониманию.

— Вы являетесь автором известной концепции «литературного этикета». Как соотносится она с проблемами, поставленными дальнейшим ходом развития русской литературы, в частности, с теорией «творческого поведения», выдвинутой М. М. Пришвиным?

— Вот теперь можно указать и на третью специфическую черту нашей литературы: богатство и разнообразие жанров, способов художественного выражения, грандиозность языка, в котором сосуществовали самые различные пласты лексики, богатство синонимии, — богатство, создававшееся обилием префиксов и суффиксов и пр. Любопытно, что богатство художественного выражения создавалось и «литературным этикетом». Для литературы Древней Руси также было характерно следование литературному этикету, литературному канону, как и нарушение этикета, канона. Нарушение нормы — это замечательное средство выделить, подчеркнуть какое-то явление. На фоне обычного резко выделяется все необычное. В древней русской литературе постоянно происходит игра, столкновение обычного и необычного, привычного в литературе с непривычным, старого с новым и пр. Этикет играет роль сильного фона.

Я вынужден остановиться на немногом. Теперь уже нет смысла агитировать за древнерусскую литературу. Хочется только отметить, что необычайное в ней способно обогатить наше эстетическое сознание, нашу эстетическую восприимчивость. Древняя русская литература — это в какой-то мере ворота к пониманию не только своего прошлого, но и настоящего других народов, которые стоят на сходном этапе общественного развития, что и Древняя Русь. Поняв эстетические принципы литературы Древней Руси, мы откроем себе дорогу к пониманию многих литератур Африки, Азии и Южной Америки. Но о том, что общего между эстетикой Древней Руси и эстетикой других народов, говорить можно много...

— Какие труды, исследования по древней литературе вы считаете наиболее полезными и необходимыми для тех, кто ею интересуется, в частности, для современного молодого писателя?

Что можно было бы порекомендовать читать из древнерусских произведений в первую очередь?

— Прежде всего летописи. Особенно летопись Ипатьевскую, летописи псковские и новгородские. Затем — «Хождение» Афанасия Никитина, сочинения протопопа Аввакума, «Повесть о Горе Злосчастии», сатирическую литературу XVII века, «Повесть о Петре и Февронии Муромских». Это на первый случай. Ну а если дальше, то надо читать то, чем увлекались многие русские писатели: Л. Толстой, Н. Лесков, А. Ремизов и другие — Великие четыре-минеи. Это было собрание всех четых книг, созданное в XVI веке, — энциклопедия литературы (не литературная энциклопедия, а именно энциклопедия всех читавшихся в XVI веке книг). К сожалению, Археографическая комиссия, еще в XIX веке предпринявшая издание этой огромной антологии, не закончила своей работы. Сейчас Сектор древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинского дома) АН СССР готовит десяти томное собрание древнерусских литературных произведений — «Памятники литературы Древней Руси». Надеемся, что в начале 80-х годов, то есть к тысячелетнему юбилею русской литературы, мы это издание закончим, и художественный опыт древнерусской литературы станет в какой-то мере легко доступен современному читателю.